
Мама стала махонькая, как котик.
Мама стала тихонькая, как мышка.
Мама еле-еле по дому ходит.
Гречку перебирая, лапкой гребёт, как мишка.

Мамины дни теперь ни пестры, ни пёстры —
мелкой моторикой их не унять, итожа.
Старощь и немощь — тоже родные сёстры,
так бы поэт сказал, если б только дожил.

Мама крючком салфетки плетёт, платочки,
превозмогая тернии Паркинсона.
Если идти, то надо идти до точки —
где золоты цветы на кайме виссона.

Дышит ветер неспешный заветный,
овевая невидимый сад.
Ходит тихо Господь безответный
посреди обезумевших стад.

Никакого им сада не надо
и не надо для сада рассад,
потому что рассада для ада
им отрадней, как собственно ад.

Потому что не кущи, а рощи
разрастаются в тёплой крови.
Потому что бездумней и проще,
и привычнее жить без любви.

Ты стареешь. Но всё ж не очень.
А собака — стареет быстро.
Увядает от ночи к ночи,
как карьера премьер-министра.

Отвисают у пёски ушки,
как тесёмки у старой шапки,
льнёт седая башка к подушке,
не вмещаются лапки в тапки.

Окликаешь зверька из бездны
и моргаешь на мониторе,
но старания бесполезны —
даже если полезно горе.

Понапрасну твой голос дышит,
ничего у тебя не выйдет:
даже если собака слышит,
то мерцаний твоих — не видит

в нетех тщетного интернета.
Кроток сфинкс у камней Хеопса.
Нет на свете грустней портрета —
носогубные складки мопса.